

Неизбежный поцелуй

Автор:

[Барбара Воллес](#)

Неизбежный поцелуй

Барбара Воллес

Любовный роман – Harlequin #194

Келси приезжает в дом одиноко живущего писателя, чтобы набирать текст его новой книги, которую тот сейчас пишет. Так решил его редактор. Сам же писатель встречает девушку весьма недружелюбно...

Барбара Воллес

Неизбежный поцелуй

Глава 1

Этот человек выглядел потрясающе.

У него не было ни шрамов, ни каких-либо ужасных уродств или чего-то подобного, что, по мнению Келси, давало бы ему повод превратиться в отшельника и затворника. На самом деле мужчину, стоящего перед ней, можно было назвать не иначе как ошеломляюще привлекательным.

Алекс Маркофф был высок – по крайней мере, на полфута выше ее ростом, – по-спортивному подтянут и обладал очень широкими плечами. Его узкие бедра

были обтянуты тканью выцветших джинсов с заниженной линией талии, а черная рубашка подчеркивала мускулистые плечи. Его правая рука от середины предплечья до середины пальцев была в гипсе, и Келси задалась вопросом, как этому мужчине удалось одеться самостоятельно, причем так аккуратно?

А еще у него были потрясающие темно-серые глаза и тонко очерченные скулы.

Нет, Алекс Маркофф определенно очень хорош собой. Однако он, вне сомнения, не слишком рад видеть ее на пороге своего дома.

Келси тут же вспомнила недовольство, которое вызвала в прошлом. Она потрянула головой, отгоняя неприятные мысли. Сейчас совсем иная ситуация. Тем не менее ей не удалось сдержать дрожь в голосе, когда она произнесла, вежливо улыбнувшись:

– Здравствуйте! Я Келси Альбертелли.

Когда он не ответил, она прибавила:

– Ваша новая помощница.

В ответ – молчание.

– Я из Нью-Йорка. Меня нанял мистер Лефковиц...

– Я знаю, кто вы такая.

Его голос был суровым и мощным, под стать его физическому телосложению. Келси едва не попятилась, услышав неодобрение в его тоне.

«Или он говорит со скрытой враждебностью?» Келси добиралась до дома Алекса в автомобиле с открытыми окнами. Ветер растрепал ее каштановые волосы, пряди выбились из свободного пучка и теперь в беспорядке обрамляли лицо. Несколько прядей она заправила за ухо.

– Хорошо. Я уж подумала, что мистер Лефковиц забыл вам позвонить.

– Нет, он не забыл мне позвонить. Он звонил несколько раз.

Келси кивнула, и снова наступило неловкое молчание. Еще несколько прядей упали на ее лицо. Она заправила их за уши и стала просто ждать, что мистер Маркофф скажет дальше.

Он ничего не сказал ей, а просто развернулся и ушел в дом, оставив ее стоять на пороге.

«Только не говори, Келси, что тебя не предупреждали!»

– Сомневаюсь, что тебе окажут теплый прием, – говорил ей мистер Лефковиц. Ну, это он явно преуменьшал. – Только помни, что у него нет выбора. Ты работаешь на меня, а не на него.

– Не волнуйтесь, – заверила его Келси. – Я уверена, что все будет хорошо. Нет ничего, с чем я не могу справиться.

«За приличные деньги».

А что делать? Благодаря проделкам бабушки Роузи она была вынуждена погашать задолженность по кредиту. Ту сумму, которую предложил ей за работу мистер Лефковиц, Келси заработала бы, трудясь в поте лица в трех-четырех местах. Кроме того, ей и прежде приходилось сталкиваться с недружелюбием, которое выказывали те, кому она наносила визит.

Так получилось, что недружелюбного отношения к себе она достаивалась опять же благодаря своей бабушке Роузи.

Так как Маркофф оставил дверь открытой, Келси решила, что он предлагает ей следовать за ним. К тому времени, когда она это поняла и переступила порог, он был на несколько шагов впереди, и ей пришлось поторопиться, чтобы его догнать.

– Ну, вы в такой глухомани спрятались, – сказала она, коснувшись рукой его плеча. – У вас здесь и указателей не так много, как в Нью-Йорке. Почему бы не поставить табличку «Поверните направо у большой сосны»? Мне сказали

повернуть у большой сосны, я и поворачивала, но трижды свернула в неправильном направлении из-за такого большого количества деревьев.

– На развилке растет всего одна сосна, – ответил он.

– Теперь я знаю это, – со значением произнесла она. – Тем не менее в большинстве мест в качестве ориентира используется какой-нибудь бросающийся в глаза объект – здание или дорожный знак. Но не сосна. Я свернула не там, где следовало, и проехала мимо дороги, которая ведет к вашему дому. Из-за кустов даже ваш почтовый ящик едва видно. Но тогда я решила, что это точка...

Она не договорила. Речь Келси была бессвязной. Если она волновалась, то всегда начинала тараторить, лишь бы заполнить тишину. Она ненавидела это свое качество. Подобная болтовня злила ее еще тогда, когда Келси была ребенком. По правде говоря, будучи маленькой и одинокой, Келси хотелось кричать на социальных работников, чтобы те заткнулись. Вот и теперь она поступает, как прежде: нервно и тревожно тараторит, стараясь хотя бы как-то наладить отношения с человеком, чье негодование от ее присутствия чувствуется буквально физически.

Тем не менее она не хотела позволять ему ее запугивать!

– Мистер Лефковиц сказал, что все ваши рукописи записаны от руки. Я предполагаю, что буду перепечатывать их. – Ее взгляд упал на гипсовую повязку на его руке. – Надеюсь, перелом не помешал вам работать так же плодотворно, как прежде.

Не успела она произнести эти слова, как он остановился, уставившись на нее темно-серыми глазами. Келси встала как вкопанная, опешив от его властного взгляда.

– Разве Стюарт велел вам задавать такие вопросы?

– Я... я... – Келси понятия не имела, как ответить.

– Скажите Стюарту Лефковицу, что он получит рукопись в свое время. Мало того, что он навязал мне чертову машинистку, так теперь она еще исполняет и роль няньки, которая мне не нужна.

– Я не исполняла... Я не... – Судорожно соображая, что сказать, Келси пожалела о том, что не задала еще несколько вопросов во время собеседования у Лефковица.

«Сначала тебя завлекают деньгами, а потом ты начинаешь понимать, куда тебя втянули».

Когда она впервые узнала, что будет перепечатывать рукопись для Алекса Маркоффа, очень воодушевилась. Она еще училась в школе, когда он выпустил дебютный роман «Охота на Луну». Келси видела этот роман на учительских столах в школе и не забыла, как на уроках литературы преподаватель зачитывал отрывки из этого романа. Алекс Маркофф являлся лучшим писателем десятилетия.

Она украдкой еще раз взглянула на своего нового босса. Может быть, ей следовало заранее посмотреть на обратную сторону суперобложки, где имелась его фотография? Возможно, тогда она подготовилась бы лучше?

Он не обладал классической красотой – в профиль его нос был чуть длиннее нормы, а подбородок казался слишком угловатым, – но резкие черты его лица выглядели очень гармонично. Теперь трудно поверить в то, что Келси воображала его уродцем. Хотя, с другой стороны, как еще она могла представлять себе человека, который, будучи автором бестселлера, ведет жизнь отшельника?

Она действительно должна была задать побольше вопросов во время собеседования у мистера Лефковица.

Оглядевшись вокруг, она увидела, что особняк Наттингвуд под стать своему владельцу: темный и мрачный. Он напомнил ей английский каменный коттедж, увитый плющом, который она видела в одном старом черно-белом фильме. Гостиная тоже была темной и мрачноватой, небольшой по площади, с антикварной мебелью и диванами темно-зеленого цвета с желтоватым отливом.

Зато в углу комнаты Келси вдруг увидела большое свободное пространство, в котором доминировали высокие окна и балконные двери. За пределами гостиной был сад, наполненный такими яркими цветами и оттенками, что в сравнении с ним интерьер комнаты и покрытые зеленью горы Беркшира казались блеклыми. Через оконное стекло Келси увидела птиц, перелетавших с дерева на дерево, названий которых она не знала.

- Вот это да! - пробормотала она себе под нос. У нее сложилось впечатление, что она находится в Нью-Йоркском ботаническом саду.

Услышав звук шагов, она вернулась в реальность. Алекс Маркофф прошел через открытое пространство гостиной к двери на противоположной стороне комнаты. Последовав за ним, Келси оказалась в комнате, аналогичной той гостиной, из которой вышла, хотя и с меньшим количеством окон. Однако комната была не менее привлекательной - благодаря двум балконным дверям, которые вели на террасу с розарием. На террасе стояли кресла-качалки со скамеечками для ног, а в комнате - кресла-качалки с пухлыми подушками на сиденьях. На столах и книжных полках в беспорядке лежали журналы, книги и писчая бумага. Несколько скомканных листов бумаги лежали на полу. По непонятным причинам они казались больше похожими на детали интерьера, чем на элемент беспорядка.

- Отличный кабинет! - Келси уже представляла себе, как Алекс сидит у окна и пишет свои произведения.

Маркофф просто указал ей на большой деревянный письменный стол в углу:

- Вы можете работать здесь.

- Компьютера нет? - На столе она не увидела никаких электронных приборов.

- Вы можете использовать свой собственный и сбрасывать информацию на флешку.

- Хорошо. - К счастью, Келси привезла свой ноутбук. Интересно, что еще ей понадобится? - У вас здесь есть Интернет?

– Зачем? – Его взгляд снова стал прожигающим. Алекс с подозрением уставился на Келси, словно она только что попросила его выдать ей военную тайну. – Зачем вам нужен доступ в Интернет?

– Чтобы я могла поддерживать связь с Нью-Йорком. Я должна держать мистера Лефковица в курсе последних событий.

Он то ли хмыкнул, то ли тихо прорычал. Келси сразу вспомнила его комментарий по поводу няньки. Повезло же ей стать буфером между редактором издательства и писателем, которые испытывали друг к другу неприязнь!

– Если у вас нет доступа в Интернет, я могу найти в городе...

– Здесь есть Интернет.

– Отлично. – Она решила спросить его о том, где можно подключиться к Интернету, в другой раз, когда он будет в лучшем настроении.

«Если он вообще когда-нибудь бывает в хорошем настроении».

На столе лежала стопка больших желтых блокнотов, на которую Келси обратила внимание:

– Именно это мне придется печатать, я полагаю?

– Печатайте именно то, что написано, без исправлений, – ответил он. – Не изменяйте ни одного слова. Если вы не сможете прочесть какое-нибудь слово, оставьте пробел. Я сам впишу позже.

Келси открыла верхний блокнот. Страницу заполняли мужские каракули серого цвета. Отлично! Он пишет карандашом. И еще вносит в текст огромное количество поправок. Это не рукопись, а какой-то ребус. Слишком много зачеркиваний и стрелочек. Похоже, ей придется оставлять множество пробелов.

– Что-нибудь еще? – спросила Келси. Давным-давно она научилась тому, что следует заранее узнать обо всех пожеланиях и причудах работодателя. Так легче приспособиться к работе. И еще она догадывалась, что рукописи Алекса,

сделанные отвратительным почерком, – всего лишь верхушка айсберга.

Она оказалась права.

– Мне не нравится шум, – продолжал он. – Никакой музыки, никаких громких голосов. Если вам нужно позвонить своему парню или тому, кто...

– Я не буду никому звонить! – Ее быстрый ответ, должно быть, застал его врасплох, потому что он моргнул. – У меня нет ни парня, ни семьи.

Она не знала, почему сочла необходимым предоставить ему эту информацию.

Тень промелькнула на его лице, мгновенно смягчив его суровый взгляд. Подобное изменение вывело ее из равновесия. Без сурового взгляда его лицо стало очень привлекательным. А вот это очень ее встревожило. Заправив за ухо прядь волос, она уставилась в пол.

– Ну, если вам действительно будет нужно позвонить, – услышала она его голос, – пожалуйста, выйдите с телефоном на улицу. Или, еще лучше, позвоните после того, как закончится рабочий день.

– Кстати, какой вы установите мне рабочий график? Я имею в виду, каковы ваши пожелания? В какие часы вам удобнее, чтобы я работала?

– Мне все равно.

Ему все равно потому, что наплевать, или потому, что она в любом случае будет ему мешать, находясь в его доме?

– Тогда, если вы не возражаете, я предпочла бы работать по утрам. Я хотела бы приступить к работе пораньше.

– Хорошо.

Снова наступило неловкое молчание. Чтобы не поддаваться панике от явного недружелюбия Алекса Маркоффа, Келси решила немного отвлечься и поправила на плече сумку, одернула край футболки.

– Ну, – сказала она с притворным весельем, – раз мы договорились, где и над чем я буду работать, осталось обсудить, где вы решили поместить меня на ночлег. – Когда он в очередной раз не ответил сразу, она прибавила: – Мистер Лефковиц сказал, что вы согласились позволить мне ночевать в вашем доме.

– Наверху, – ответил он. – Спальня – вверх по лестнице.

– Если вам пришлось выделять мне специальное помещение...

– Мне это не доставит никаких хлопот.

– До тех пор, пока я не буду совать нос не в свои дела, не так ли?

Ее попытка вести себя легкомысленно не удалась. Более чем не удалась, так как Алекс помрачнел еще больше.

– Я рада, что вы так радушны. Беркшир является достаточно популярным местом паломничества туристов, по-видимому, потому, что летом номер в отеле забронировать почти невозможно. – Келси снова начала нести какую-то чушь. – Мистер Лефковиц заставил своих помощников обзвонить все отели и постараться забронировать для меня номер.

– Я не сомневаюсь, что он так поступил.

Неужели она услышала скептицизм в его голосе? Что, черт побери, происходит? Неужели он решил, что она предпочитает жить здесь, в этой глуши? Она сделала глубокий вдох и пригладила волосы.

– Слушайте, мистер Маркофф, я знаю, что идея поселить меня в вашем доме исходила не от вас. – Она старалась говорить сдержанно и спокойно, как только возможно. – И я буду первой, кому придется признаться, что условия моей работы далеки от идеальных...

– Заметьте, что ваши услуги мне не так уж необходимы.

– Как бы то ни было, я останусь здесь на все лето. Я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы встречаться с вами как можно реже.

– Хорошо.

Односложный ответ задел Келси сильнее, чем она предполагала. Она заставила себя улыбаться, скрывая свою реакцию.

– Нам обоим будет проще, если прямо сейчас мы установим основные правила. Например, по поводу того, где принимать пищу...

– Кухня в дальней части дома. Готовьте себе все, что хотите.

Его ответ почему-то не удивил Келси.

– А ваннные комнаты?

– Наверху самая большая ванная комната, напротив комнаты для гостей. Вы найдете там полотенца и все необходимое. Но там ограниченный объем горячей воды.

– Полагаю, это означает, что я должна постараться первой принимать душ.

И эта шутка не удалась – Алекс остался бесстрастным. В который уже раз его реакция ранила Келси. Оказавшись в непривычном для нее месте, она снова вспомнила неприятные моменты из прошлого.

«Ты пробудешь здесь только летние месяцы, – сказала она себе. – Любую неприятную ситуацию можно пережить, если она непродолжительная. Главное – держать дистанцию».

– Не волнуйтесь, – поправилась она. – Я не из тех, кто любит подолгу плескаться под душем.

Более того, ей совсем не хотелось плескаться в ванне в доме Алекса. В ответ он кивнул, и она решила, что он наконец-то одобрил ее ответ.

Между тем она уже поняла, что мистер Маркофф стремится поскорее закончить их общение. Это означает, что он в любой момент уйдет прочь, избавившись от ее общества.

– Мой ноутбук в автомобиле. Пойду-ка я и возьму его, чтобы начать работать. Я буду распечатывать готовые страницы и оставлять их на столе для просмотра.

Произнося эти слова, она направилась к двери. К сожалению, Алекс Маркофф подошел к столу в то же самое время, и они случайно оказались рядом. Келси ощутила исходящий от него древесно-гвоздичный аромат лосьона после бритья. От этого теплого запаха ей захотелось закрыть глаза и сделать глубокий вдох. Вместо этого она подняла глаза и встретила его взгляд, который оказался мрачнее, чем когда-либо.

По телу Келси прошла волна произвольной дрожи.

– Извините, я не поняла, что вы... – По каким-то причинам ее мысли стали путаться. – Я имею в виду, что я шла... – Она проскользнула мимо него к двери. – Почему бы мне не принести мой ноутбук?

Алекс не ответил. Вот и хорошо! У нее появилась возможность сделать несколько глубоких вдохов, чтобы ее оставила непонятная взволнованность.

– Возьми себя в руки, – пробормотала она, открывая дверь. – Ты проведешь здесь все лето.

Вне сомнения, она не собиралась потратить ближайшие три месяца на то, чтобы смущаться в присутствии своего босса.

Когда она вернулась в дом через несколько минут, то услышала голос Алекса из кабинета:

– Не хватало еще орать что есть мочи! Мы говорим о нескольких дополнительных месяцах. Три месяца. Ты не можешь подождать еще девяносто дней?

Кто не мог подождать? Голос Алекса был как бритва. Он рассекал не только воздух, но и, казалось, мог рассечь живую плоть.

– Я предполагаю, что ты сейчас заявишь, будто я нарочно сломал себе руку, – говорил Алекс. – Для этого ты прислал мне няньку? Чтобы убедиться, что я не сброшусь с очередной горы?

Говоря о няньке, он имел в виду Келси. Это означает, что он разговаривает со Стюартом Лефковицем. Может быть, Алекс пытается от нее избавиться?

Быстро пройдя по коридору, она остановилась у приоткрытой двери и заглянула в кабинет. Алекс Маркофф стоял к ней спиной. Она видела, как напряжены его плечи под ткань рубашки. Когда он повернулся в профиль, она увидела, как сильно напряжено его лицо.

– А тебе не приходило в голову, – раздраженно орал он в трубку, – что я не могу ничего написать, если кто-то дышит мне в затылок двадцать четыре часа в сутки?

Скривив рот, Алекс слушал своего собеседника. Внезапно его взгляд стал изумленным.

– Что ты сказал? Да, я знаю, что означает «нарушение условий контракта». Ты не станешь...

Наступило молчание, а затем Алекс медленно вздохнул, чтобы успокоиться. Изумление в его взгляде уступило место ярости.

– Хорошо. Ты получишь эту чертову книгу!

Келси подпрыгнула на месте, когда он швырнул мобильный телефон на стол.

Нарушение условий контракта? Издательство угрожает Алексу судебным разбирательством? Неудивительно, что мистер Лефковиц так настаивал на том, чтобы Келси жила в доме Алекса. И неудивительно, что мистер Маркофф вне себя от возмущения. Он оказался прав: Келси прислали к нему в качестве няньки.

Она услышала, как Алекс разочарованно простонал, а потом послышались его шаги. Опасаясь быть обнаруженной, Келси машинально шагнула назад, судорожно придумывая оправдание тому, почему стоит у его двери и подслушивает. Секундой позже она услышала стук балконной двери и поняла, что ей ничего не угрожает.

Алекс вышел в сад. Заглянув в кабинет, она увидела в окно, как он шагает в сторону леса.

По-прежнему помня его сердитый разговор по телефону, Келси с облегчением вздохнула и только теперь поняла, что еле дышала с тех пор, как приехала к Алексу.

Итак, ей предстоит нелегкое лето.

В тот же вечер Келси распаковала свои вещи и расположилась в комнате, которой предстояло стать ее домом на три последующих месяца. Поскольку Алекс не сказал, какую именно спальню она должна занять, Келси поселилась в комнате, похожей на комнату для гостей. Как и гостиная, ее комната была выдержана в зеленовато-коричневых тонах, обставлена деревянной мебелью. Единственное, что отличало ее от гостиной, – чучело головы оленя на стене. Запах кедра доносился от стенового шкафа, изготовленного из грубо обработанного дерева.

Распаковывая вещи, Келси попыталась сосчитать, сколько раз в жизни совершала эту процедуру. Упаковывание и распаковывание вещей стало для нее рутинным занятием. Сначала, когда она жила в общежитии в комнате с несколькими девушками, ей приходилось складывать вещи в маленький комод с зеркалом, потом Келси поселилась в комнате, где имелся стеновой шкаф. Весь процесс укладки вещей на свои места редко занимал более пятнадцати минут.

Келси рано научилась тому, что следует путешествовать налегке и стараться не привязываться к определенному месту проживания, а все свои пожитки ухитриться поместить в два больших чемодана.

«Нынешним летом я таскаю с собой максимальное количество вещей», – отметила она. Но те два года, которые она провела в одном месте, снимая

жилье, – самый долгий период постоянства в ее жизни. Именно тогда Келси и обзавелась кое-какими дополнительными вещами.

Разложив одежду в шкафу, она потянулась за сумкой, чтобы провести заключительную часть своего обычного ритуала. Пальцы Келси сразу же нащупали ее самую ценную вещицу. Керамическая кофейная кружка была прохладной на ощупь, несмотря на то что пролежала в сумке весь день. Трудно поверить, что когда-то давным-давно на кружке красовались яркие нарисованные цветы. Сейчас на ней виднелись только выцветшие пятна краски. На верхней части ручки была трещина. Улыбаясь, Келси покачала кружку в ладони. Она представила себе, как точно такие же кружки, с по-прежнему яркими цветами, стоят на столе, а женщина разливает в них кофе... Если Келси постарается, то сможет представить, как ее мать подносит кружку к губам. Однако чем больше проходило времени, тем труднее ей было вызывать в памяти образ матери.

Неожиданно она почувствовала себя бесконечно маленькой и одинокой, словно одно-единственное воспоминание вернуло ее в прошлое. На мгновение Келси перестала быть взрослой женщиной, управляющей собственной судьбой, а превратилась в маленькую девочку, держащую в руке последний талисман из прежней жизни. Жить с матерью Келси было нелегко, но, по крайней мере, она знала, что кому-то нужна. Во всяком случае, именно так она решила вспоминать прошлые годы.

Келси прислонилась к спинке кровати и прижала кружку к груди. Скоро ощущение брошенности и одиночества пройдет. Так бывало и прежде. Хотя на этот раз эти чувства оказались сильнее, чем обычно. И вряд ли стоит этому удивляться, учитывая нерадушный прием Алекса Маркоффа.

Она пожалела себя еще пять минут, а затем, взяв эмоции под контроль, подошла к окну. Из окна ее спальни открывался вид на лес, усиливая ощущение изолированности.

Вдруг справа хрустнула ветка. Келси перегнулась через подоконник, ожидая увидеть дикое животное. То, что она увидела, удивило ее сильнее, чем фигура оленя или хотя бы зайца. Это был силуэт человека.

Алекс Маркофф!

Он обходил лесные посадки по периметру, шагая по тропинке мимо деревьев. Его голова была опущена, он шел так осторожно, словно считал свои шаги. Келси наблюдала за ним, и к ее горлу подступал ком. Алекс выглядел таким одиноким... Он совсем не казался тем враждебным человеком, который встретил ее сегодня в своем доме. Этот человек сейчас напоминал ей призрак. «Призрак» – единственное слово, которое могло его описать.

Он подошел ближе, и Келси отступила назад, не желая попадаться ему на глаза. Как только она оказалась в тени, сразу заметила, что он остановился. Подняв голову, он взглянул на окно ее комнаты. Келси сдержала вздох. Даже находясь на втором этаже дома, она заметила необъяснимую эмоцию в его суровых темно-серых глазах. У нее снова сжалось сердце. Ей казалось, что он смотрит прямо на нее. Или, точнее, заглядывает в ее душу. «Что за глупость! Ведь он не может увидеть тебя на том месте, где ты стоишь».

В конце концов он пошел дальше. Келси тихо вышла из тени. Несколько мгновений спустя она услышала шаги на лестнице, после чего дверь его спальни закрылась со щелчком.

Его комната находилась рядом с ее спальней! Она поняла это только теперь. Через стену она услышала скрип стула и могла поклясться, что Алекс несколько раз протяжно и разочарованно вздохнул. Внезапно раздался звон стекла и шуршание бумаги, перемежающиеся стоном. Дверь открылась, и шаги Алекса – тяжелые и решительные – послышались в коридоре. Келси знала, что скоро со стуком захлопнется входная дверь.

Что ж, ей действительно предстоит нелегкое лето. Может быть, ей следовало остаться в Нью-Йорке и продолжать вкалывать на трех работах?

Но тогда она будет дольше расплачиваться с долгами бабушки Роузи.

Протяжно выдохнув, Келси рухнула на кровать.

– Большое спасибо, бабушка, – пробормотала она. Похоже, Маркофф не единственный, у кого нет выбора.

Глава 2

Келси сделала большой глоток кофе и произнесла:

– Все, что я могу сейчас сказать, так это поблагодарить Бога за кофе. Особая благодарность – за итальянское жаркое. Клянусь, именно эта еда сможет меня сегодня спасти!

Ее молчаливым собеседником был толстый рыжий полосатый кот. Келси обнаружила пушистое существо, дремавшее на террасе, когда вышла туда рано утром, и с тех пор кот постоянно находился рядом с ней. Келси подозревала, что рыжее существо просто заблудилось. Хотя у Алекса, возможно, добрая душа, и он держит в доме кота.

Кроме того, она вчера вечером видела глаза Алекса, в которых отражались непонятные эмоции...

«Забудь об этом. Он не заслужил твоего сочувствия».

Особенно после того, как Алекс всю ночь не давал ей спать, постоянно вышагивая в соседней комнате и громко вздыхая.

– Я думала, что писатели создают шедевры сидя за столом, а не перемещаясь по комнате всю ночь напролет. – Она сделала еще один глоток кофе. Ей следует хорошенько подкрепиться кофеином, если она намерена весь сегодняшний день внимательно и аккуратно расшифровывать рукопись Алекса. – Я скажу тебе вот что, кот-толстячок: мне все равно, что он блестящий писатель. Он, безусловно, должен улучшать свои навыки общения с людьми. А он ведет себя так, словно я какая-то чума. На что ты готов поспорить, что он рассердится, узнав, что сегодня утром я налила себе кофе из его кофейника?

В ответ кот закрыл лапой глаза.

– Точно, – произнесла Келси. – Хотя, мне кажется, если ты готовишь кофе на рассвете, не следует удивляться, что кто-нибудь другой в доме нальет себе кофейку из твоего кофейника. Ведь я права?

– С кем вы разговариваете?

От испуга у Келси сердце едва не выскочило из груди. В углу террасы стоял очень мрачный и обеспокоенный Алекс Маркофф.

При виде его у нее сразу же засосало под ложечкой. Как ему удалось выглядеть таким привлекательным в столь ранний час? На нем была темно-синяя футболка и точно такого же оттенка трусы, край которых выглядывал из-под пояса его джинсов, облегающих его бедра. Его кожа блестела от пота, ворот рубашки потемнел. Темные завитки волос были влажными и в беспорядке прилипали к шее.

Хотя Келси и не следовало этого делать, она не могла не подумать о том, как Алекс выглядит, когда выходит из душа...

– Доброе утро, – сказала она, как только перевела дыхание.

Он смотрел на нее равнодушным взглядом:

– Вы не ответили на мой вопрос. С кем вы разговариваете?

– Я говорю... – она указала на солнечное место на террасе, которое в настоящее время оказалось пустым, – э-э-э... сама с собой.

– Вы всегда так делаете?

– Когда нет никого, с кем можно поговорить. Ведь говорят же, что ты сам – лучшая для себя компания.

– Я всегда в это верил.

Заправив за ухо прядь волос, Келси могла поклясться, что он внимательно рассматривает ее ушную раковину. На самом деле, неужели он думает, что она лжет?

– Похоже, я не единственный человек, который любит просыпаться рано утром. Я налила себе кофе, между прочим.

– Я слышал.

Интересно, что еще он слышал? Келси быстро подняла кружку, надеясь, что он не заметит, как у нее зарделись щеки.

– Вы давно проснулись? – спросила она, глядя на него поверх края кружки. – Я думала, что вы дольше проспите после такой тяжелой ночи.

– Почему вы думаете, что у меня была тяжелая ночь?

И зачем он придирается к каждому ее слову, а в его взгляде читается подтекст? Зачем буравит ее темно-серыми глазами?

– Я слышала, как вы ходили по комнате, – пояснила она, сопротивляясь желанию опустить голову, словно нервный подросток. – Кстати, это было трудно не услышать, на самом деле. Старый дом, тонкие стены. Вы громко вздыхали.

– О!

– Я так понимаю, прошлой ночью у вас не было писательского вдохновения?

– Почему вы хотите об этом узнать?

– Я не знаю... Может, чтобы завязать разговор? – Она пожала плечами. – Должна ли у меня быть причина?

– Всегда и у всего есть причина.

– Ну, в данном случае я намеревалась вести себя с вами дружелюбно. В конце концов, мы собираемся все лето работать вместе. Мы могли бы относиться друг к другу как цивилизованные люди, не так ли?

Он одарил ее долгим взглядом. Проводит «контрольное измерение» ее искренности? Ожидая его ответа, Келси решила воспользоваться паузой и пристально изучить его лицо, обращая внимание на детали, каких не замечала раньше.

Например, на загорелую кожу, на едва заметный шрам на переносице, на красивую форму губ...

И конечно, на непонятные эмоции во взгляде. В очередной раз она почувствовала, что за внешней суровостью Алекса кроются печаль и обида. Своего рода тоска, может быть? Или одиночество.

Что происходило в его жизни прежде? Келси действительно стоило разузнать о нем, прежде чем приниматься за эту работу.

Однако ее любопытство так и осталось неудовлетворенным, так как она услышала хруст гравия – звук шел с другой стороны дома. Как только Алекс услышал шум, выражение его лица изменилось. Снова. Он расправил плечи и тихо выругался.

– Что? – Келси никак не могла привыкнуть к резкой смене его настроения.

Естественно, Алекс не ответил. Как и вчера, он просто повернулся и пошел прочь, заставляя ее следовать за ним. Повернув за угол дома, она увидела высокого плотного мужчину, выходящего из зеленого пикапа, на котором была надпись «Кустовая фасоль, владелец Фарли Гранджерфилд». Мужчина посмотрел на Алекса, потом с интересом взглянул на Келси, но ничего не сказал. Неудивительно, учитывая отнюдь не приветливое выражение лица Алекса.

Дальнейшие события развивались в молчании. Мужчины подошли к кузову пикапа, и каждый из них взял по две холщовые сумки, нагруженные продуктами. Алекс нес обе сумки в здоровой руке. Незнакомец прошел мимо Келси и многозначительно посмотрел на нее:

– Последние две сумки сами себя не выгрузят.

Поняв намек, Келси подошла к пикапу и взяла самые легкие сумки с продуктами. Она принесла их в кухню, где обнаружила двоих мужчин, молчаливо распаковывающих продукты и раскладывающих их на кухонном столе. Когда Келси вошла и дверь позади нее захлопнулась, мужчины посмотрели на нее.

– Куда мне это положить? – спросила она.

– На стол, – ответил Алекс. Увидев, что она начала распаковывать сумки, прибавил: – Но это не обязательно.

– Я не против, – пожала она плечами. Что еще она должна делать – стоять и смотреть на мужчин? – Вы должны сказать мне, куда все следует положить. По крайней мере, в первый раз. Я довольно хорошо запоминаю с первого раза. Кроме того, таким образом мне удастся узнать, где хранить мои продукты.

Черт побери, она снова принялась лепетать! Это быстро превращается во вредную привычку. Но молчание еще хуже. В доме Алекса почти все время царит молчание. Келси была просто вынуждена что-то сказать, чтобы не прислушиваться к собственным мыслям. Хотя, увидев резкий взгляд Алекса, она пожалела о том, что не сумела промолчать.

– Если будете больше заказывать, придется больше платить, – тут же прокомментировал бакалейщик.

– Келси будет сама оплачивать свои покупки.

– Верно, – подтвердила она. В конце концов, у нее свои предпочтения в еде. Но почему бы не попросить привозить ей продукты вместе с продуктами Алекса? – Меня зовут Келси Альбертелли, кстати. Новая помощница мистера Маркоффа. Я здесь для того, чтобы помочь ему, пока его рука не выздоровеет. Вы Фарли?

Бакалейщик промолчал, подтверждая таким образом ее правоту, а затем сообщил:

– Доставка осуществляется через три дня после оформления заказа. Хотите получить заказ раньше, приезжайте за ним сами. Доставка специальных заказов занимает больше времени. А если у меня нет товара нужного бренда, я заменю его по собственному усмотрению. Жалобы не принимаются.

Резкость – отличительная черта всех жителей Беркшира? По крайней мере, молчание Фарли отличалось от молчания Алекса. Хотя бакалейщик оказался грубоват, в его словах не было злости и настороженности, которые были присущи новому боссу Келси.

– Возьмите бланки заказов в грузовике, – сказал он, когда все сумки были разобраны. – Если они вам нужны, идите за мной.

Келси чувствовала на себе пристальный взгляд Алекса все время, пока шла к пикапу.

– Обычно доставка производится каждые десять дней, – говорил ей старик. – Доставка четырех упаковок продуктов бесплатно, если заказываете больше продуктов – будете платить.

– Я буду иметь это в виду. – Келси взяла стопку трехцветных бланков для заказов, которые он передал ей. – Вы давно доставляете продукты в Наттингвуд? – спросила она.

– Довольно давно.

– А именно?..

– Три, четыре, пять лет. Я не веду календарь.

Ей хотелось удивиться его неопределенному ответу, но в глубине души она подозревала, что иного ответа не удостоится. Тем не менее ей стоило попробовать.

– Еще раз спасибо за бланки, – сказала она, размахивая ими в воздухе. – Увидимся в ближайшее время.

Фарли пробормотал что-то вроде того, что ему делать больше нечего, как разъезжать на грузовике весь день, и хлопнул дверцей. Келси сдержала улыбку. Старик выглядел чрезмерно сварливым, а потому смешным.

Она подождала, пока пикап скроется из вида, затем вернулась в дом. Алекс, как она обнаружила, был по-прежнему на кухне. Он стоял вплотную к раковине, пристально глядя в окно.

– Интересный персонаж, – сказала она, закрывая дверь. – Этот старик на самом деле такой сварливый?

– Я не знаю.

– Вы бывали в его магазине? Как он называется... – Она посмотрела на бланки, которые держала в руке. – «Кустовая фасоль»?

– Один или два раза.

– Магазин такой же колоритный, как его хозяин?

– Пирожки у него съедобные.

Учитывая то, что подобная оценка прозвучала из уст угрюмого и неразговорчивого Алекса, ее можно было расценивать как полезную рекомендацию. Келси прошла к кухонному столу, на котором еще оставались какие-то продукты. Может быть, ей показалось, но Алекс выглядел довольно раздраженным тем, что она перебралась парой фраз с Фарли. Но с другой стороны, будучи отшельником, он не имеет права требовать, чтобы Келси тоже избегала общения с людьми. Неужели он решил, что она готова провести все лето только с ним и бездомным котом?

Странно, но, представив, как проводит лето вместе с Алексом, Келси ощутила приятный трепет, пробежавший по спине.

Алекс переключил свое внимание с окна на нее. Его взгляд был ужасающе мрачным и суровым. Черт побери! Почему бы не задать вопрос напрямую?

– Вам не нравится то, что он узнал о моем пребывании в вашем доме, не так ли?

– Я не люблю людей, осведомленных о моей жизни.

– Я думаю, что вряд ли появление в вашем доме временной помощницы станет большой новостью в городе. Да и вряд ли об этом узнают в городе. Фарли не выглядит болтуном и сплетником.

– Рано или поздно начнутся разговоры, мисс Альбертелли. Мне даже не придется давать повод для сплетен. – Он оттолкнулся от кухонного стола. – И вам тоже.

– Рано или поздно начнутся разговоры, – сказал Алекс и тут же удалился и не общался с Келси в течение двух дней. Он исчез бог знает куда, а ей пришлось в одиночку блуждать по Наттингвуду.

– Я вижу тебя чаще, чем его, – сказала она рыжему коту, который теперь ежедневно появлялся на террасе. – Он как призрак, появляется только в ночное время.

Она слышала, как ночами Алекс мерил шагами комнату. Вышагивал и... ждал вдохновения?

– Возможно, если бы он написал что-то оптимистическое, то сумел бы заснуть.

Начав расшифровывать рукопись Алекса, Келси изумилась тому, что его творения оказались мрачнее его самого. Они были буквально пронизаны тоской. Роскошные тексты, но какие-то страдальческие. О, как далека была его нынешняя книга от романа «Охота на Луну»!

– Такое впечатление, что они были написаны двумя разными людьми, – сказала она коту, которому дала кличку Толстячок. Может быть, Алекс действительно сильно изменился за прошедшие годы?

Чем больше проходило времени, тем чаще Келси упрекала себя за то, что не проявила должной осмотрительности, соглашаясь на эту работу. Вместо того чтобы задавать мистеру Лефковицу нужные вопросы, она позволяла себе сосредоточить все свое внимание на размере предстоящей зарплаты. Конечно, деньги являлись для нее приоритетом, но почему бы ей не получить немного больше информации о будущем боссе? Она действительно хотела бы знать, что с ним произошло и почему он казался настолько обозленным на мир.

– Я знаю, знаю, – сказала она Толстячку, – мне нужно с головой уйти в работу и не лезть в чужие дела. Но если бы я знала, почему он так себя ведет, то, возможно, смогла бы спрогнозировать, как он станет вести себя все предстоящее лето, что мы проведем вдвоем.

Хотя и сейчас не слишком поздно обо всем узнать. Разве не для этого существует Интернет? Недолго думая она поднялась со своего места. Келси двигалась так быстро, что Толстячок тоже вскочил. Фарли сказал, что доставляет продукты в имение вот уже где-то от трех до пяти лет. Роман «Охота на Луну» был опубликован около шести лет назад. Вне сомнения, за шесть лет должны были быть написаны какие-нибудь статьи об Алексе Маркоффе, верно?

Вскоре Келси нашла то, что ей было нужно. «Актриса и писатель: настоящая любовь!» – таков был заголовок одного из таблоидов.

Алекс Маркофф был влюблен в кинозвезду? Подобное казалось Келси невозможным, но перед ее глазами было доказательство. Вот фотография Алекса и знакомой блондинки. Они мило улыбаются друг другу, сидя в кафе за чашкой кофе. Келси почувствовала непонятное раздражение, прочтя об их романе. Звезда кино Алиса Дэвенпорт встретила Алекса в тот момент, когда он раздавал автографы. У них случился бурный роман, и, ко всеобщему удивлению, они поженились и поселились в Лос-Анджелесе, где был экранизирован один из рассказов Алекса.

Слава Алекса и привлекательность Алисы сделали их любимчиками прессы. Кликнув кнопкой мыши, Келси зашла на страничку, где обнаружила несколько десятков их фотографий. Вот они на благотворительном вечере. Здесь – на кинопремьере. На судостроительном заводе, выпускающем яхты. Алиса обладала белокуро-платиновыми волосами и прекрасной фигурой. На каждой фотографии миссис Маркофф опиралась на руку мужа и лучезарно улыбалась. В отличие от нее Алекс был постоянно мрачен, на его лице красовалось недовольное выражение. Даже ведя сказочную жизнь, он не улыбался.

Еще один клик кнопкой мышки, и перед глазами Келси появилась другая статья. «Что случилось?» – гласил заголовок, под которым находилась фотография Алисы. Другие заголовки обещали раскрыть «Мрачные тайны мистера Маркоффа».

Рано или поздно начнутся разговоры.

Друзья, знакомые Алекса и даже его помощники сообщали репортерам зловещую информацию о браке Алекса и Алисы, их разводе и интимной жизни супружеской пары.

– Неужели все, кто его знал, давали интервью? – спросила она вслух.

– Я отвечу кратко. Да.

У Келси екнуло сердце. Медленно она подняла глаза от экрана компьютера и встретила разъяренный взгляд Алекса.

– Какого черта вы делаете?!

Она попыталась ответить, но слова застряли в горле. Вместо того чтобы сказать хотя бы слово, Келси стала беззвучно открывать и закрывать рот, словно рыба, хватаящая ртом воздух.

Между тем Алекс оказался напротив ноутбука и уставился в него. Келси почувствовала, как в ее боссе закипает ярость. Когда он заговорил спокойно, тщательно контролируя свой голос, ей стало вдвойне страшно.

– Я спрошу еще раз. Как по-вашему, что вы делаете?

– Я... я... – Заправив прядь волос за ухо, она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Хотя это было нелегко, учитывая, что на нее был направлен убийственный взгляд Алекса. – Мне очень жаль. Я думала, может быть, если бы я узнала о вас больше, то могла бы...

– Могли бы что, мисс Альбертелли?

Его взор стал свирепее, и Келси была вынуждена отвести взгляд. И вдруг она ответила совсем не так, как намеревалась:

– Могла бы лучше вас понять.

Видимо, Алекс не счел ее ответ подходящим. Его подбородок дергался, пока он смотрел то на Келси, то в монитор.

– Вы хотите лучше меня понять? – спросил он наконец. Его голос звучал сдержаннее, чем прежде. – Тогда вам придется кое-что уяснить. Моя личная жизнь – закрытая тема для обсуждения. Вы не имеете права копаться в моем

прошлом, несмотря ни на какие ваши доводы и причины.

«Я не стала бы искать о тебе информацию, не будь ты таким таинственным», – подумала Келси.

Тем не менее она знала, что Алекс прав. Она опустила глаза и посмотрела на свои руки, чувствуя себя ребенком, которого поймали за нарушением правил внутреннего распорядка. Сейчас она испытывала ощущение, которое было ей ненавистно. Ведь ей некого винить, кроме себя самой, за то, что она оказалась в таком затруднительном положении.

– Этого больше не повторится.

– Черт побери, вы правы, не повторится. Потому что вы уезжаете отсюда. Сегодня же!

«Уезжаю? Он меня увольняет? Значит, я трижды дура!»

Почему она не послушалась доводов разума и не отказалась влезать в чужие дела? Нет, ей вздумалось ковыряться в прошлом Алекса, в результате чего он ее уволил. Он выгоняет ее на улицу, не желая слушать доводов. Кто знает, как долго ей придется теперь искать новую работу?

Сделав категоричное заявление, Алекс повернулся и вышел из комнаты. Келси понеслась за ним, схватила его за плечо:

– Мистер Маркофф, погодите! Вы должны пересмотреть свое решение.

Он обернулся, его глаза метали молнии:

– Я не должен ничего пересматривать. Я не вторгнулся в частную жизнь другого человека.

– Пожалуйста! Мне нужна эта работа...

Боже, как ей было ненавистно его умолять! Келси в очередной раз мысленно «поблагодарила» свою бабушку Роузи.

– Вы должны были подумать об этом до того, как отправились в поисковик Google.

– Но...

– Сегодня же, мисс Альбертелли! Отправляйтесь упаковывать вещи.

«Идиотка! И что теперь делать? Может быть, позволить Стюарту Лефковицу вмешаться?..»

Келси не очень-то хотелось разыгрывать этот гамбит, но она оказалась в безвыходной ситуации, и ей оставалось лишь прибегнуть к отчаянным мерам. Келси обязана погасить долг бабушки Роузи в установленный период времени, так что выбора у нее нет.

Алекс дошел почти до двери в сад. Если он уйдет, то неизвестно, когда вернется.

– А как же мистер Лефковиц? Он не обрадуется, если рукопись не будет сдана вовремя.

Ее слова заставили Алекса остановиться.

– Радость Стюарта меня не касается. – Он по-прежнему говорил надменно, но в его голосе уже слышались нотки настороженности.

– Я уверена, что так и должно быть, – ответила она, – но...

Его губы сжались в тонкую линию.

– Что?

«Сейчас или никогда!»

Медленно-медленно она пересекла комнату, продолжая смотреть на Алекса в упор. Это было нелегко, и от страха у нее засосало под ложечкой.

– И вы, и я, мы оба знаем, что он не захочет дольше ждать.

Он постарался скрыть негодование, но она все равно услышала недовольный выдох. И так, все карты раскрыты. Алекс понял, что Келси знает о последствиях, которые его ждут в случае нарушения условий контракта. В течение нескольких секунд во всем доме слышалось только тиканье часов в прихожей.

Келси ждала, затаив дыхание.

Наконец Алекс издал что-то вроде приглушенного стога. Келси расценила его реакцию как признание поражения.

– Почему мир не может оставить меня в покое? – пробормотал он, запустив пальцы в волосы. – Неужели я о многом прошу?

Келси понимала, что в данном случае оказалась победителем. Алекс не вышвырнет ее на улицу. Во всяком случае, на этот раз.

Она подождала, пока он уйдет из комнаты, а затем услышала, как со стуком захлопывается парадная дверь. Келси устало опустилась на диван. К ее облегчению примешивалось сильное чувство вины. Выругавшись, она шлепнула рукой по диванной подушке.

Глава 3

Ужинать Келси отправилась в город. После напряженного дня ей хотелось находиться от Алекса как можно дальше. Она зашла в местный трактир. В здании, построенном двести лет назад, в подвальном этаже располагался паб. Именно туда и направилась Келси, чтобы съесть чизбургер, послушать ирландскую музыку и отдохнуть от мрачных мыслей.

Однако ей не удалось отмахнуться от донимавшего ее чувства вины. Ей было совестно, на душе скребли кошки. Алекс оказался прав: она не имела права вмешиваться в его личную жизнь. В конце концов, как бы она себя чувствовала,

если бы кто-то копался в ее прошлом?

И все же, благодаря шокирующим новостям с найденных веб-сайтов, Келси более чем когда-либо чувствовала свою заинтересованность жизнью босса. В этом человеке было что-то, что не позволяло ей отмахнуться от размышлений о нем. У него была своеобразная манера выражать свой гнев. Он как-то необычно сетовал на судьбу – за то, что мир не может оставить его в покое. Почти постоянно в его темно-серых глазах читалось отчаяние. Но Келси чувствовала, что Алекс Маркофф совсем не такой сердитый и мрачный отшельник, каким хочет казаться.

Ей стало интересно, каким он был до своего развода. Был ли он когда-нибудь беззаботным и счастливым? Она попробовала представить его смеющимся, но не смогла.

Как печально! Несмотря на собственное суровое прошлое, Келси время от времени находила повод для смеха.

Было далеко за полночь, когда она вернулась в Наттингвуд. Она могла бы вернуться раньше, но пришлось задержаться в трактире из-за чудовищной грозы. Из-за проливного дождя и сильных порывов ветра, а также отсутствия уличного освещения видимость на дороге составляла всего полтора ярда. В результате она пропустила развилку с сосной и вынуждена была возвращаться, сделав большой крюк.

К счастью, окна особняка Наттингвуд были темными, когда она подъехала к нему. Алекс, без сомнения, избегал ее – так же как она его. Келси ворвалась в дом через парадную дверь, наткнувшись бедром на мраморный стол. Выругавшись на темноту, она нащупала выключатель на стене и щелкнула им.

Свет не включился.

Она снова нажала на выключатель. И еще раз.

– Вы напрасно тратите время.

Сверкнула молния, на миг осветив комнату, и Келси увидела темный силуэт у большого окна.

– Вы напрасно тратите время, – повторил Алекс. – Свет отключили тридцать минут назад.

Келси подошла ближе. Теперь, когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела, что Алекс не просто стоял у окна. Он разминал мышцы на затылке и шее. На нем были лишь широкие тренировочные брюки. Его волосы оказались взъерошены. Должно быть, он лежал в постели, когда началась гроза. Увидев его в таком облике, она испытала ощущение, будто тайком за ним подглядывает. В первый раз с момента приезда в его дом Келси осознала, что живет под одной крышей в доме посреди леса с мужчиной из плоти и крови. Кстати, с очень красивым и желанным мужчиной...

Внезапно каждая клеточка ее тела словно затрепетала.

– Такое часто происходит? – спросила она. – Я имею в виду отключение электричества.

Неплохо бы узнать, как часто им придется оказываться вместе в темноте. Из-за непогоды, разумеется.

– Когда ветер дует достаточно сильно.

– И как часто он сильно дует? – спросила она, подойдя и встав рядом с ним.

Он не обернулся, когда она подошла, пристально разглядывая тени в саду. Молния сверкнула, и Келси снова увидела выражение его лица. Взгляд Алекса был отстраненным, в мыслях он пребывал далеко за пределами комнаты.

– Довольно часто. В подвале есть аварийный генератор.

– Вы его еще не включили?

– Я люблю темноту.

«Почему меня это не удивляет?»

– Вы что-то сказали?

– Ничего особенного. – Келси и не поняла, что сказала это вслух. Чтобы загладить вину, она решила сменить тему разговора: – Отблески молнии создают настоящее шоу.

– Полагаю.

– Когда я была маленькой, другие приемные дети сказали мне, что гром и молния – это из-за нападения инопланетян. Я так пугалась, что во время грозы пряталась под одеялом.

Келси до сих пор помнила, как лежала под одеялом и прижимала к груди кружку матери как талисман.

– Дети верят во всякие глупости, да? – сказала она.

– Не только дети.

– Что? – Его голос прозвучал так тихо и мягко, что она пропустила часть его фразы, поэтому переспросила: – Вы что-то сказали?

– Ничего особенного.

Интуиция говорила Келси обратное, но она не стала настаивать на своей точке зрения. Он все равно не скажет правду, даже если Келси начнет на него давить. Поэтому, решив не спорить, она воспользовалась возможностью разглядеть его профиль. В темноте она могла видеть только контуры его лица. Прочитать выражение оказалось невозможно. Несмотря на это, сейчас магнетизм Алекса был сильнее, чем когда-либо. Может быть, потому, что они остались наедине? Или потому, что в темноте обстановка стала казаться более интимной? Келси окутало его тепло, она почувствовала его запах. Она видела, как вздымается и опускается напряженная грудь. Его страдания теперь казались ей физически ощутимыми, причем настолько, будто она сама чувствовала его боль. Ей вдруг захотелось протянуть руку и успокоить Алекса.

– Извините меня за то, что произошло днем, – тихо сказала она Алексу. – Я не имела права шпионить за вами.

– Да, вы не имели на это права.

Уголки губ Келси дрогнули.

– Вы не прощаете людям слабости, не так ли?

– Если бы я прощал слабости всем, кто меня предавал, меня бы надолго не хватило.

Она вспомнила сплетни и статьи на веб-сайтах и поняла, что он имел в виду. Никто не заслуживает того, чтобы подробности его личной жизни становились достоянием общественности.

– Сожалею о вашем браке.

– Это было давным-давно.

– Тем не менее вы...

– Я не хочу говорить об Алисе, мисс Альбертелли. Наш брак не удался. Конец истории.

Множество эмоций прозвучало в его голосе: гнев, разочарование, боль. Келси решила не настаивать на своем.

– Вы сказали, что генератор в подвале?

– У основания лестницы. – Он был явно рад тому, что Келси перевела разговор в другое русло.

– Не возражаете, если я его включу? Вы можете не включать свет в этой комнате, но мне понадобится освещение, чтобы подняться по лестнице в свою комнату.

Кроме того, освещение поможет изменить ощущение интимности. Может быть, если Келси увидит привычно мрачное выражение лица Алекса, она будет меньше смущаться в его присутствии?

- Делайте что хотите.

Передвигаться по кухне в темноте оказалось нелегко. Наттингвуд был одним из тех домов, который достраивался на протяжении многих лет, в результате чего в доме было множество неожиданных поворотов. И в дневное время дом был похож на лабиринт, ну а ночью, в кромешной темноте, передвижение по нему было сродни кошмару. Келси была уверена, что обязательно упадет и сломает руку. Хуже того, она может уронить и разбить какой-нибудь предмет мебели или какую-нибудь семейную реликвию.

В конце концов она добралась до двойной раздвижной двери, ведущей на кухню, и в этот самый момент услышала позади себя шаги.

- Вам понадобится фонарь, - сказал Алекс, толкая дверь и выходя первым.

Келси последовала за ним молча, стараясь не думать о том, как их тела соприкоснулись, когда он проходил мимо.

Он двигался по темной кухне с ловкостью, достойной восхищения. По крайней мере, Келси предположила именно так, потому что отчетливо слышала только удары своего тела о предметы мебели. Дверь в подвал находилась сбоку, рядом с разделочным столом. Она осторожно шла в этом направлении, когда услышала скрип передвигаемого по полу стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volles_barbara/neizbezhnyy-poceluy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)